

Автор: Чаплина Валентина Семеновна

Книга: Знакомая варежка

Рассказ: Знакомая варежка

– Держись крепче! – весело крикнул Андрей и рванул салазки за верёвочку.

Наташа завизжала, вцепилась руками в сиденье и зажмурилась. Потом потихоньку открыла глаза и страшно удивилась. Незнакомый мальчик бегом бежал по двору детского сада и тащил за собой салазки, а в них её, Наташу. Она ехала вокруг большой клумбы, на которой летом цвели цветы, а сейчас лежал снег. Как хорошо было кататься! Хоть бы этот мальчик никогда не останавливался! Клумба по краю была обложена кирпичами. Из-под снега красиво торчали кирпичные треугольники. Они мелькали перед глазами Наташи, сливаясь в одну линию. И вдруг – бум! – полозья зацепились за один из кирпичей. Перед Наташиным носом мелькнули две валяные подошвы. Это оборвалась верёвка, и незнакомый мальчик полетел носом в снег.

Наташа сейчас же вскочила и отбежала к ребятам, которые стайкой притихли во дворе.

Мальчик встал и начал вытряхивать снег из рукавов, потом смешно съёжился:

– Ух ты, ёлки-палки, за шиворот попал!

Он стал трясти головой. Ребятишки засмеялись. Наконец, вытряхнув снег, мальчик весело подмигнул им всем сразу, живо связал оборвавшуюся верёвку и крикнул:

– А-ну, кто следующий?

Ребята встрепенулись. К салазкам покатился большой пушистый белый ком. У него были коротенькие быстрые ноги в белых валенках, шустрые руки в белых рукавицах, а наверху второй ком, такой же белый и пушистый, но только поменьше.

Когда эти два кома становились к вам спиной, то издали на фоне снега могло показаться, что ребята слепили снежную бабу. Только осталось вставить в маленький ком глаза-угольки да нос-морковку. А когда эти два кома поворачивались к вам лицом, то вы сразу начинали улыбаться. Оказывалось, что никаких угольков и морковки не надо. У кома были два глаза – чёрные пуговки – и смешной симпатичный нос тоже пуговкой, только не чёрной, а розовой.

Два кома подбежали к салазкам и плюхнулись на сиденье.

– Снеговик-снеговик, как тебя зовут? – спросил мальчик.

Маленький ком ответил тонким девчачьим голосом:

– Татьяна. А тебя как?

– Меня Андрей.

– А ты кто?

– Я шеф.

Андрей учился в соседней школе. Он был звеньевым в своём пионерском отряде. И его звено решило взять шефство над ребятами ближайшего детского сада. Вот он и прибежал сейчас посмотреть на своих подшефных. Прибежал да и стал катать их вокруг клумбы.

Когда салазки с Татьянкой-снеговиком остановились, Андрея сразу облипли зимние пальтишки и меховые шубки. Они прилипли, как ириски к нёбу, и не хотели отлипнуть.

– Становись в очередь у крыльца! – крикнул Андрей. – Всех перекатаю!

Пальтишки и шубки отлепились и побежали к крыльцу. Там сейчас же образовался весёлый хвост из ребят. Хвост всё время вилял в разные стороны. Он даже рассыпался на части, но потом снова собирался в одну кривую линию.

Андрей возил ребят вокруг клумбы.

И во дворе стоял такой весёлый смех и гомон, что прохожим на улице становилось завидно. Самые любопытные из них заглядывали в калитку. Заглядывали и тут же начинали улыбаться.

Андрей перекатал всех. Некоторые даже сумели поездить два раза. И только Катюшку – девочку в красном капоре – Андрей упрямо не хотел катать. Когда дошла её очередь, он сердито буркнул:

– Уйди, я кому говорю! Не мешай!

И красный капор грустно отошёл в сторону.

В конце дня воспитательница тётя Нина сказала:

– Молодец, Андрюша. Спасибо тебе, что пришёл. Видишь, как ребята рады. Побольше бы нам таких шефов.

Андрей сиял.

– Тётя Нина, а больше ничего не надо сделать?

– Надо. Знаешь, как нынче скользко на улице? А у нас есть несколько ребят, за которыми старенькие дедушки и бабушки приходят. А им падать нельзя. У них кости хрупкие. Раз – и переломятся. Возьми этих ребят и отведи по домам.

..Пять часов вечера зимой – уже сумерки. Сугробы делаются лиловыми и таинственными. От зажжённых уличных фонарей снег начинает сверкать и переливаться, и кажется, будто ты попал в сказку.

Андрей важно шёл по улице, держа за руку два белых кома, которые назывались Татьянкой. Он шёл и оглядывался по сторонам. Ему ужасно хотелось, чтоб встретился кто-нибудь из знакомых и увидел, как он ведёт чужую девочку из детсада.

– Ой, глядите, умора! Девчатник! – крикнул чужой, встречный мальчишка и хотел было швырнуть в Андрея снежком.

Но Андрей остановился и выразительно сказал:

– Я не девчатник. Я – шеф! Разве не видишь? Детей из садика по домам развожу.

– Ше-еф? Разводишь? – мальчишку озадачил спокойный, мирный тон Андрея и то достоинство, с каким он говорил. Мальчишка бросил недолепленный снежок на землю и несколько шагов прошёл за этой интересной парой.

Андрей оглянулся и таким уничтожающим взглядом посмотрел на него, и столько гордого превосходства было в этом взгляде, что мальчишке самому ужасно захотелось стать шефом и, хоть один квартал, провести по улице совершенно чужую маленькую девочку.

Дверь открыл дедушка.

– Татьянушка? Ты? – удивился он. – А я только за тобой собирался.

– Ой, деда, там скользко. Все падают. Меня мальчик Андрей привёл. Он шеф. Он хороший.

– Спасибо тебе, мальчик Андрей, шеф хороший. Раздевайся, гостем будешь.

– Не могу, что вы! Спасибо. Мне ещё одного мальчика домой отводить. Он ждёт.

У дедушки была совершенно белая голова и коричневое лицо в глубоких добрых морщинах. Андрей увидел, как сильно дрожат дедушкины руки и никак не могут расстегнуть меховые пуговицы на шубке Татьянки-снеговика.

– Дедушка, вы посидите, отдохните, я сам её раздену, – и Андрей быстро, ловко снял с девочки шубу. Снял и удивился: сама Татьянка оказалась очень маленькой и тоненькой.

– Дедушка, вы и завтра не приходите в детсад. Я приведу её. Вы же совсем дедушка. Вы упасть можете, а у вас кости хрупкие. Раз и переломятся.

А сам подумал: «Вдруг такой симпатичный человек заболит и умрёт? Ведь он совсем старенький. Чем бы ему помочь?»

Дедушка улыбнулся.

– Спасибо, мальчик Андрей. Давай с тобой так договоримся: если завтра будет скользко, я не приду. А если снежку, бог даст, насыплет, я сам надену валенки-скороходы и в поход за Татьянушкой. Мне ведь тоже по улице прогуляться охота.

Так и решили. Андрей вышел из дому и подумал: «Хоть бы завтра опять скользко было». Уж очень ему понравилось делать добрые дела людям.

Андрей был самым активным общественником в классе. Он и звеньевой, и художник стенгазеты, и тимуровец, и теперь ещё шеф. И везде успевает. И учится неплохо. Андрея

часто хвалили, писали о нём в стенгазете. Это шло ему на пользу. Он начинал работать ещё больше, чтобы оправдать хорошие слова, которые говорились о нём.

С месяц тому назад в их класс поступила новенькая, приехавшая из другого города. Была она маленькая, скромная и застенчивая. Сидит на уроке тихо-тихо, как мышонок. Её почти не видно и не слышно. Не пошелохнётся, когда учительница объясняет. А после уроков вдруг незаметно – шмыг! и исчезнет, будто мышонок юркнул в норку.

Жидкие, гладко зачёсанные волосы кончались на спине тоненькой белобрысой косичкой, которую мальчишки сейчас же прозвали – мышиный хвостик. Потом эта кличка прилипла и к самой девочке. Она не обижалась. Оттого что волосы были жидкими и прилизанными, у неё очень большими казались уши.

Включили её в Андрюшкино звено, и никакой общественной работы она ещё не несла. Это очень беспокоило активного звеньевого. Раза два после уроков он просил новенькую остаться, хотел поговорить с ней как звеньевой. Но она торопилась к бабушке и робко шептала: «Завтра».

Вот и сейчас, как только кончились уроки, Андрей заметил, что Мышиный хвостик торопливо прячет книги и тетради в портфель. Вот-вот юркнет в дверь. Он решительно подошёл к её парте. Девочка виновато посмотрела на звеньевого и ещё тише обычного сказала:

– Мне к бабушке надо. Сегодня обязательно...

– Опять к бабушке?

Мышиный хвостик вздохнула. Андрею показалось, что уши у неё стали ещё больше и смешней.

– У всех бабушки! – настойчиво сказал он. – У меня тоже бабушка. Вон у Тимки даже две бабушки, а он всегда остаётся, когда нужно. Никуда не денется твоя бабушка!

– А она не моя. Мои не здесь живут.

– Не твоя? А чья?

– Не знаю. Бабушка и всё.

– Постой-постой, ты ходишь к чужой бабушке?

Девочка утвердительно кивнула. Косичка смешно подпрыгнула и опять тихонько улеглась на спину коричневого платья.

– А зачем ты к ней ходишь?

– Помогаю. Она плохо чувствует себя, всё забывает. Как-то я ей молоко помогла донести до квартиры, а дома она вспомнила, что соли забыла купить. Я и побежала...

Мышиный хвостик оказалась разговорчивой девочкой, но Андрей перебил её, улыбаясь:

– Ты помогаешь чужой бабушке? Это же общественная работа! Ты – тимуровка! Почему ты молчала?

– А зачем говорить? Я помогаю и всё...

– Как зачем? Мне же нужно записать. Это очень важно.

У Андрея сразу повысилось настроение. Теперь в его звене все общественники. Он достал тетрадку и задумался. Как же фамилия новенькой? Никитина или Никонова? Спросить было неудобно, и он написал: «Ник», а в скобках «М. хв.», что сокращённо означало – Мышиный хвостик.

– Как фамилия бабушки и адрес?

– Зовут Мария Иванна. Больше ничего не знаю.

Андрей даже подскочил на месте:

– Как не знаешь? Чудная ты какая–то... ну прямо... Значит так, Мария Ивановна, – записывал звеньевой, – а дальше я пустое место оставляю, видишь? Чтобы сегодня же узнала.

Новенькая молча кивнула и опять стала торопливо запихивать в портфель книги и тетради. Из портфеля на пол упала большая варежка.

«Опять эта варежка? – подумал Андрей, – и чего она ко мне привязалась?»

Он уже видел сегодня её на парте у Мышиного хвостика. Лежала варежка тихо, смиренно, никому не мешая, но Андрей то и дело поворачивал к ней голову, сам не зная – зачем. Это была обыкновенная взрослая варежка, связанная руками на спицах из толстой шерсти. А самый кончик коричневый. Наверно, не хватило серых ниток и пришлось

довязывать другими. Но было в этой варежке что-то такое, что тянуло Андрея к ней и непонятно волновало его. Вот и сейчас опять... Какая-то тёплая тревога... Но как только Андрей вышел из класса, он сейчас же забыл о варежке.

«Куда пойти? – думал он, машинально шагая к дому. – Папа с мамой уехали. Жизнь настала вольная».

Его догнала новенькая. Она ужасно торопилась.

– Я прямо к бабушке и домой заходить не буду. Ой, она лежит, наверно. Вчера иду около её дома вечером, в шестом часу, и вижу – толпа. Говорят: «Старушка упала». Я так и ахнула, думаю, моя бабушка. Ну, не моя, а Мария Иванна, в общем. Она всё равно теперь, как моя. Пролезла между людьми, гляжу – она! Её уже подняли и повели, а потом она сама пошла. А с ней девочка маленькая. А в руках у бабушки – школьный портфель. Как у тебя, вот такой же коричневый. Так чудно, – бабушка и вдруг с портфелем, как будто в школе учится.

Девочка свернула за угол и подошла к Андрюшину дому.

– Вот тут бабушка упала, – и показала на тротуаре длинную блестящую полосу льда.

«Ведь это я раскатал», – подумал Андрей, и холодные мурашки зашевелили спину.

– А вот тут в снегу бабушкина варежка лежала. Я подняла, только забыла отдать. Сейчас отдам.

«Вот почему у неё взрослая варежка в портфеле», – понял Андрей, и снова что-то тревожное прошло по сердцу.

Вдруг он увидел, что Мышиный хвостик входит во двор их дома. Андрей даже остановился от неожиданности. «Где она тут себе бабушку выкопала?» А девочка быстро и незаметно, действительно будто мышонок в норку, юркнула в подъезд. В тот самый подъезд, где жил Андрей.

«Ёлки-палки, вот чудеса заморские!» – и он, сдвинув ушанку на лоб, почесал в затылке. Потом сам быстро вошёл в подъезд. Девочка была уже на втором этаже. Он – за ней. Она – на третий. Он – за ней. Она – на четвёртый и наконец на пятый.

До самой последней минуты Андрей не понимал, в какую квартиру, к чьей бабушке идёт Мышиный хвостик. И вдруг он внезапно остановился. Ему показалось, что кто-то облил его кипятком с головы до ног. Андрей понял, понял! чья была та знакомая варежка.

Мышиный хвостик вошла в дверь их квартиры.

Как сумасшедший, мчался Андрей вниз по лестнице. Третий этаж, второй, первый... Куда бежать? Где спрятаться от своего позора? В подъезде рядом с дверью к квартирам – дверь в подвал. Залез туда, притянул к себе дверную ручку, чтоб не оставалось даже тоненькой щёлки света. Присел на ступеньки, ведущие вниз. Сердце бешено стучало везде: в груди, в руках, в ногах, в ушах. Везде было оно – громкое сердце. И никуда от него невозможно убежать.

Андрей чувствовал, как от стыда жарко горят лицо, шея, уши. Он обхватил руками голову и уткнулся носом в колени. Стыд не проходил, и сердце не унималось.

Андрей ясно вспомнил, как вчера вечером, когда вёл из детсада незнакомого мальчика, встретил бабушку. Она шла за Катюшкой, за его сестрой, девчонкой в красном капоре, которую он не хотел катать на салазках вокруг клумбы. Андрею ужасно надоел портфель, и он с радостью отдал его бабушке, чтоб она снесла домой. Ей же всё равно с Катюшкой туда возвращаться, а ему ещё незнакомца далеко вести. Да по такой скользоте. Ужас один. Намаешься.

Потом Андрей вспомнил, как поздно пришёл вчера домой. Катюшку спать укладывала соседка, а бабушка лежала. У неё очень болела голова. Но он не придал этому никакого значения, потому что голова у бабушки болела часто.

Внук быстро поел на кухне завёрнутые в тёплый платок суп и котлеты, оставил на столе грязную посуду и сел за уроки. Но просидел недолго: уроков было немного, и ужасно хотелось спать. Быстро нырнул в постель, благо она была разобрана бабушкой.

С тех пор, как на время уехали мама с папой, жизнь для Андрея стала вольнее. Постели он не застилал и не разбирал, посуды не мыл, галстук не гладил. Бабушка говорила: «Отдыхай, Андрюшенька, я сама сделаю». И он отдыхал.

Сегодня утром, как обычно, Андрей проснулся сам. Встал, пошёл в кухню и очень удивился, что посуда всё так же стояла немытая, как он вчера её оставил. Значит, бабушка не вставала.

В общей комнате у бабушки был свой уголок между стеной и шифоньером. Там стояла кровать и вместо столика табуретка со всякими лекарствами. Каждое утро бабушка пила порошки от головной боли. Андрей слышал, как за шифоньером звякала стеклянная крышка о графин, как лилась вода, как горлышко графина мелко стучало о край стакана, потому что у бабушки дрожали руки. Так было и сегодня. Значит, бабушка не спала. Почему же она не встаёт?

– Ба, а что мне есть? – спросил он, заглянув за шифоньер.

– Сейчас-сейчас, милый, – старушка с трудом стала подниматься.

Андрей поспешно собирал в портфель книги и тетради. Мельком взглянул на бабушку, вышедшую из-за шифоньера. Она торопилась и на ходу никак не могла попасть трясущейся рукой в рукав вязаной кофты. Совала, совала руку и всё мимо.

Через двадцать минут сытый Андрей уже бежал по улице.

Всё это вспомнилось ему сейчас так ясно, так отчётливо, что сердце заметалось ещё сильнее, а лицу, ушам, шее стало ещё жарче.

Бабушка была своя, домашняя, всегдашняя, привычная, без которой просто невозможно представить себя. Бабушка была всегда и казалась вечной. Андрей привык к тому, что она всё время работает, и принимал это как должное, будто она была обязанной всегда что-то делать. Казалось невозможным и странным, что бабушка может устать, замориться, как все другие люди на свете. Она была настолько своя, что он её даже не замечал. Вот так часы у них на стенке всю Андрюшкину жизнь громко били и тикали, а он не замечал, не слышал, потому что привык к ним. Ребята, бывало, придут к нему и каждый раз вздрагивают, когда часы начинают бить, а он не слышит. И только когда часы остановились, он заметил – не идут! Стали! Молчат! Начала ужасно мешать тишина комнаты, хоть из дома уходи. Невозможно с ней жить, с этой тишиной.

«Так же и бабушку не замечаю, как часы», – с ужасом подумал Андрей и вскочил на ноги от этой страшной мысли. Потом снова сел и снова сжал голову руками. Только сейчас один, здесь, в холоде и темноте, он припомнил, как за последнее время согнулась бабушкина спина, как сильно стали дрожать руки. Чашку вчера разбила, а он рассердился. Теперь она уже не может сама вдеть нитку в иголку и просит его. А ему неохота вдевать, он злится.

– Подожди, вот дочитаю до главы, тогда вдену.

И она сама пытается вдеть, а ушка иголки уже не видит.

За спиной Андрея в подъезде быстро–быстро протопали чьи-то лёгкие ноги, выбегая на улицу.

«Это Мышиный хвостик, наверно, в магазин побежала. Или в аптеку. Может быть, бабушке совсем плохо?» И Андрей со всех ног помчался на пятый этаж.

Дверь в их комнату была приоткрыта, и в коридоре пахло бабушкиным лекарством. Андрей хорошо знал этот запах. Лекарство было жёлто-зелёного цвета в бутылочке. Мама всегда растирала им бабушкины ноги, которые часто ломили.

Андрей вошёл в комнату. За шифоньером разговаривали.

– Давайте я и правую ногу потру, – прозвучал голосок Мышиного хвостика.

Андрей замер. Значит, тогда пробежала не она.

Ни бабушка, ни девочка не слышали, как он вошёл.

– Мария Иванна, а как ваша фамилия? – спросил тот же голосок.

«Разве мою бабушку зовут Мария Ивановна?» – удивился Андрей. Все в квартире звали её просто бабушка, а папа и мама – мамой.

– У нас в классе один мальчишка есть, звеньевой, – продолжала девочка. – Он хороший, добрый, но ужасно смешной. Виноградов Андрей...

– Как говоришь? – переспросила бабушка.

– Андрей Виноградов. Он ужасно беспокоится, что я к вам просто так хожу, без всякого общественного поручения, и это нигде не записано. У него такая тетрадка есть, я сама видела, где против каждой фамилии стоит, например, так: «пятого числа в шесть часов вечера перевёл дедушку через улицу», или «ходил за хлебом старушке Ивановой».

– А против его самого... против Виноградова фамилии что-нибудь стоит? – спросила бабушка странным, незнакомым голосом.

– Стоит. Против него очень много стоит. Он самый первый тимуровец в классе.

Дальше Андрей слушать не мог, выбежал из квартиры. На следующий день перед уроками Мышиный хвостик с виноватым видом подошла к Андрею.

– Мария Иванна мне не сказала, как её фамилия. А варежку я и вчера забыла отдать. Вот безголовая.

Прозвенел звонок, и Мышиный хвостик юркнула на свою парту.

Когда кончились уроки, и в классе уже осталось мало ребят, Андрей подошёл к новенькой. Он глянул ей прямо в глаза и тут же отвёл взгляд. А потом тихим, странным голосом попросил:

– Дай мне ту, бабушкину варежку.

– Тебе? – удивилась девочка.

– Ну да мне... а кому же?

Он вздохнул, ещё зачем-то внимательно посмотрел в окно, сморщив лоб, и совсем шёпотом выдохнул:

– Я знаю, почему бабушка тебе не сказала фамилию... – и ещё внимательнее начал смотреть в окно. Потом склонился над партой, как будто разглядывая параграф в учебнике. Девочка ничего не спрашивала, она тоже склонилась над партой, как будто разглядывая параграф в учебнике.

Что сказал ей Андрей, кроме неё никто не расслышал. Но когда она разогнулась, глаза у неё были огромные–преогромные.

– Только ты пока никому не говори, ладно? – попросил Андрей.

– Ладно, ладно, – молча сказали глаза. – Я никому, совсем никому...

– Я сам... потом всё расскажу в классе. Только сначала... Понимаешь, мне надо сначала...

Он замолк и ладонью тихонько погладил варежку, которую положила на парту Мышиный хвостик.

– Я понимаю, я всё понимаю, – так же молча сказали огромные глаза.

«А уши у неё совсем не такие уж большие, – подумал Андрей, – самые обыкновенные уши, как у всех людей.»

Взял в руки варежку. Она была колючая, связанная на спицах из грубой шерсти (из мягкой бабушка вязала Катюшке и ему). Но какой ласковой и нежной показалась эта варежка Андрею. Он бережно положил её за пазуху. И по всей груди разлилось приятное тепло, как будто положил он не её, колючую, а маленькое, свёрнутое в комочек, солнце.